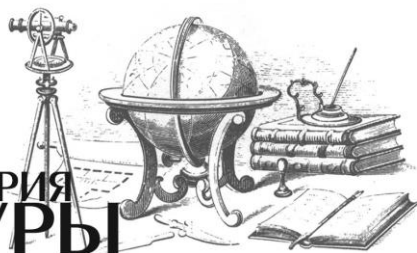

Журнал

ОБСЕРВАТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

Э.А. Орлова

Семья и первичные группы: модели и механизмы трансляции социокультурного опыта

(из журнала «Обсерватория культуры» / НИЦ Информкультура РГБ. — № 2 / 2006. — С. 11 - 21)

Тема социализации занимает важное место в изучении модернизации общества, обуславливающих ее факторов и механизмов. В течение длительного времени процессы освоения социального и культурного опыта рассматривались главным образом на институциональном уровне и применительно к стабильному состоянию общества.

Однако социализация продолжается и при переходных состояниях общества, когда предшествующие интеллектуальные программы становятся неэффективными из-за того, что их функции перестают отвечать императивам динамичной социокультурной реальности. В таких ситуациях неопределенности структуры социального взаимодействия становятся более многочисленными и мелкими, количество разнонаправленных интересов возрастает. Соответственно обостряются проблемы социальной адаптации, решение которых переносится на уровень межличностных отношений, первичных социальных сетей. Это проявляется в массовом масштабе в ряде поведенческих тенденций. Во-первых, люди начинают ориентироваться на собственные жизненные ситуации, а не на выполняемые социальные функции. Во-вторых, погруженность в решение собственных проблем и стремление получить непосредственную выгоду становится приоритетным по сравнению с провозглашаемыми, но малоэффективными этическими ценностями и нормами. В-третьих, обусловленное первыми двумя тенденциями ослабление значимости ранее сложившихся социокультурных паттернов ведет к преобладанию поискового поведения над стереотипным.

В совокупности такие тенденции ослабляют степень социальной интегрированности по определенным направлениям, значимым с точки зрения социализации. В процессах социального взаимодействия и коммуникации возрастает неопределенность взаимных отношений людей и критериев оценки их результатов. Одновременно начинает множиться количество образцов адаптации в проблемных ситуациях, где они приобретают статус ценностей для членов порождающих их микросоциальных групп. На фоне возрастающей социальной напряженности в условиях модернизации названные тенденции можно рассматривать как деструктивные по отношению к сложившимся ранее институциональным моделям социализации.

Из сказанного следует, что проблема социализации в трансформирующемся обществе состоит в расхождении между необходимостью освоения адаптационно целесообразных навыков и знаний и отсутствием институционализированных носителей такой информации. Иными словами, обнаруживается несоответствие между существующими и социально необходимыми моделями социализации.

При такой постановке проблемы важно принимать во внимание ряд обстоятельств. Прежде всего, следует подчеркнуть, что процессы социализации продолжаются в условиях социокультурных трансформаций, а не ограничиваются только стабильными состояниями общества. Далее, поиск новых форм социокультурной адаптации является для людей нормальным проявлением активности, и его не следует трактовать как «отклоняющееся поведение». Наконец, изучение таких форм позволит объяснить, почему одни из них составляют основания для институциональных моделей социализации, другие — для периферических моделей (в криминальных «игрегированных», «герметичных», связанных с риском группах), третьи — уходят из социокультурного пространства социализации. Возможность исследования процессов освоения социального и культурного опыта в условиях модернизации и институционального кризиса определяются такой концепцией социальности, при которой основное внимание уделяется непосредственным отношениям людей в контексте первичных социальных сетей.

В самом общем виде социальность означает, что каждый человек может реализовать свои потребности, желания, намерения только с помощью и в среде других людей. Это означает, что ему приходится осваивать необходимые знания и навыки через непосредственные взаимодействия и коммуникации с окружением и согласовывать свои действия с внешними императивами или противостоять им. Процессы такого освоения составляют суть социализации, осуществляемой в рамках первичных групп.

Как уже отмечалось, социальное взаимодействие, в том числе между представителями разных поколений, не прекращается в условиях модернизации. Соответственно продолжаются и процессы социализации, хотя меняются их содержание и соотношение агентов. В кризисных ситуациях представители всех поколений неизбежно оказываются участниками непосредственных межличностных контактов, где ставят новые способы организации своего жизненного мира. Можно выделить основные зоны социокультурного пространства, где процессы социализации осуществляются в первую очередь.

Во-первых, люди являются участниками семейных отношений, в рамках которых социокультурный опыт передается традиционным — прямым и непосредственным — образом. В ситуации смены культурных парадигм семья чаще всего перестает быть однородной средой социализации. Дети, например, подвергаются разнонаправленным влияниям поколений отцов и дедов. Помимо того, что эти поколения вносят в семью конгломерат различных представлений (нормативных и ценностных, рациональных и мифологических, прагматических и утопических)

и стереотипов взаимодействий и коммуникаций (межличностных и официальных, политических и профессиональных, конструктивных и деструктивных), они вступают в конфронтацию друг с другом относительно разнородных ориентаций подобного рода. Таким образом, семья как агент социализации оказывается жизненной средой с высокой степенью социокультурной неопределенности, для преодоления которой в ее собственных рамках не находится ни рецептов, ни «жизненных технологий».

Во-вторых, молодые члены общества в определенном возрасте попадают в социальные институты социализации — детские учреждения, средние и высшие учебные заведения. Хорошо известно, что такого рода институты консервативны, поскольку их предназначение — транслировать главным образом прошлый опыт. Поэтому в кризисных ситуациях здесь фактически помещается эпицентр расхождений между поколениями. Молодым нужны знания и навыки, помогающие им адаптироваться в сложных современных условиях, а взрослые предлагают им устаревшие и утратившие культурный смысл стереотипы.

В-третьих, новые поколения с детства окружает культурная среда, порождаемая средствами массовой информации. Они формируют наиболее представительную модель социокультурной реальности с точки зрения ее сложности и динамизма. Проблема социализирующего воздействия средств массовой информации заключается для младших поколений в том, что без социального обучения они не могут сразу овладеть условностями соответствующего языка. Но пока такое обучение не стало общепринятым. Соответственно в этом информационном поле дети и подростки могут отобрать только то, что созвучно их весьма ограниченному жизненному опыту. Большая же часть культурной информации остается для них непонятной.

В-четвертых, социализация и инкультурация молодых осуществляется средствами искусства. Художественная среда окружает современных людей. Однако в учреждениях культуры сегодня не предусмотрено специальных социокультурных программ. Подавляющее большинство членов общества не владеют языком искусства; их эстетические представления остаются весьма примитивными. Вместе с тем в условиях социокультурных трансформаций образному освоению реальности принадлежит одно из ведущих мест. Слабая социализированность членов общества в этом отношении существенно снижает их адаптационный потенциал.

Наконец, в-пятых, значительным агентом социализации для молодых является среда сверстников. Здесь каждый из них оказывается в группе себе подобных, переживающих схожие проблемы, имеющих примерно одинаковый жизненный опыт. В ходе взаимодействия и коммуникации они отбирают из культурного окружения доступные элементы, из которых и формируют свои стереотипы поведения и отношения. Группы сверстников образуют социокультурное пространство, где детская, подростковая, юношеская субкультуры оказываются максимально неподконтрольными взрослым и где формируются специфические для молодых поколений социокультурные образцы, ценности, нормы, которые позже они актуализируют во взрослой жиз-

ни. В условиях модернизации проблема заключается в том, что современное окружение оказывается для них слишком сложным и не поддающимся непосредственному контролю. Напряженность же в отношениях со взрослыми побуждает младшие поколения дистанцироваться от них. Тем самым они лишают себя пусть и не слишком объемного, но всё же полезного опыта адаптации в ситуации социокультурного кризиса.

Обобщая сказанное, следует отметить, что в модернизирующемся обществе социализация становится значительной проблемой из-за одновременного действия нескольких групп факторов. Прежде всего, это возрастающая нормативная и ценностная неопределенность, ставящая под вопрос содержание культурной информации, передаваемой в процессах социализации на уровне не только социальных институтов, но и первичных социальных сетей, межличностных отношений. Далее, это неадекватность институтов социализации, сохраняющих инерционность функционирования, ориентированность на самоподдержание, а не на адаптацию людей в меняющихся условиях. Наконец, это дистанцирование младших поколений от старших, более богатых социальных групп от бедных, образованных и просвещенных граждан от членов общества с низким уровнем культурной компетентности, что обусловлено углубляющимися расхождениями в образе и качестве жизни. Все это затрудняет процессы социализации и способствует воспроизведению социокультурной неопределенности и социальной напряженности.

Базовые модели социализации в модернизирующемся обществе

Следует подчеркнуть, что, несмотря на перечисленные выше затруднения, процессы социализации осуществляются и в условиях социокультурных трансформаций. Более того, есть основания полагать, что они определенным образом упорядочены, хотя их организация характеризуется слабыми внутренними связями и неустойчивостью. Если выделить базовые модели социализации, то можно определить сравнительную эффективность их функционирования в модернизирующемся обществе.

Теоретический анализ имеющихся данных относительно процессов социализации позволяет построить идеально-типические модели социализации, сосуществующие при любом состоянии общества, но в зависимости от его характера приобретающие особую конфигурацию.

Авторитарная модель базируется на классическом «субъект-объектном» типе отношений. В этом случае агент социализации исходит из совокупности оснований, определяющих структуру процессов социального взаимодействия, характерную для этой модели. Во-первых, он считает того, на кого пытается воздействовать, всего лишь материалом, из которого нужно сформировать нечто, с его точки зрения целесообразное. Во-вторых, он приписывает себе право навязывать транслируемые знания и навыки как непреложные, не считаясь с интересами и желаниями «объекта». В-третьих, он не подвергает сомнению и рефлексии транслируемые знания и навыки, даже если они не соответствуют очевидности и новым реальным фактам. В-

четвертых, основным механизмом социализации он считает послушание, поощряя следование догмам и наказывая за любое отступление от них.

Реакции второй стороны при использовании такой модели можно в общем виде свести к двум типам. Более энергичные и самостоятельные активно сопротивляются авторитетному давлению. Это увеличивает напряженность между агентами и субъектами социализации, и освоения транслируемой культурной информации фактически не происходит. Более пассивные пытаются следовать требуемым образцам поведения. Однако осваиваемая культурная программа оказывается мало пригодной для конструктивной адаптации в реальной социокультурной жизни.

Таким образом, преимущественное использование авторитарной модели социализации в модернизирующемся обществе можно считать социально слабо эффективным. Это объясняется тем, что жесткость ее структуры и догматизм содержания не отвечает сложности и динамизму социокультурных процессов в переходных условиях.

*Пермиссивная*¹ модель социализации предполагает классическую форму «субъект-объектных» отношений. В этом случае агент социализации опирается на набор оснований, определяющих соответствующий характер взаимодействия. Прежде всего, он полагает, что другая сторона имеет исходные предпосылки, способности, необходимые для освоения социально значимого опыта, и его задача — актуализировать имеющийся потенциал. Для этого он считает целесообразным установить равноправные отношения во взаимодействии, для чего ему приходится невольно упростить поведение и содержание транслируемой информации, вернуться в своих отношениях с окружением на уровень субъекта социализации с его более низким уровнем культурной компетентности. Кроме того, он полагает, что нет необходимости в специальной программе социализации, и освоение социокультурного опыта может осуществляться ситуативно и спонтанно. Наконец, он считает целесообразным в качестве стимула социализации использовать преимущественно поощрение.

Использование такой модели фактически помещает субъекта социализации в группу равных со взаимозаменяемыми функциональными межличностными ролями. Он выполняет только то, что ему по силам, не получая дифференцированной и рефлексивной оценки своих действий согласно заранее утвержденным критериям. В таких группах обычно складываются благоприятные межличностные отношения людей, хорошо адаптированных друг к другу. Эти отношения держатся на эмпатии и взаимопонимании, но у субъекта социализации не формируется побуждений к преодолению препятствий, к освоению знаний и навыков, выходящих за пределы сформировавшихся в пределах действия этой модели стереотипов поведения и суждений. Более того, для сохранения благоприятных межличностных отношений агенты и субъекты социализа-

---

¹ Пермиссивный от англ. *permissive* — рекомендуемый, либеральный. (Ред.).
Источник: *Обсерватория культуры*. — 2006. — № 2. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru/?arch-jok>

ции объединяются в целях укрепления границ своей группы и тем самым дистанцируются от более широкого социокультурного окружения.

Таким образом, перmissive модель социализации в модернизирующемся обществе оказывается малоэффективной с точки зрения подготовки к решению характерных для него проблем. Она формирует людей, приспособленных жить в атмосфере взаимопонимания и взаимной поддержки, но бессильных в одиночку справиться с жизненными затруднениями.

В *рационально-конструктивной модели* форма взаимодействия агента и субъекта социализации базируется на следующих основаниях. Во-первых, агент предполагает, что субъекту свойственны как предпосылки для освоения необходимого социокультурного опыта, так и недостаточность знаний и навыков в отношении окружения. Своей задачей он считает актуализацию имеющегося у субъекта потенциала для того, чтобы в дальнейшем научить его не только использовать свой потенциал инструментально, но и на этой базе осваивать новый социальный и культурный опыт. Во-вторых, он полагает необходимым поддерживать партнерскую парадигму взаимодействия, подразумевающую наличие как взаимных прав и обязанностей, так и зон автономии и независимости обеих сторон. В-третьих, он признает необходимость рационального построения стратегии социализации, подчиняя ей отбираемые для трансляции знания и навыки, значимые для субъекта. В-четвертых, в процессе социализации он считает допустимым использование как позитивных, так и негативных санкций, причем, с обеих сторон.

Использование такой модели предполагает значительную затрату усилий участниками взаимодействия. Область взаимных прав и обязанностей обеспечивает субъекту возможность освоить знания и навыки, необходимые для взаимодействия и коммуникации в рамках нормативно упорядоченных и стандартных ситуаций. Область функциональной автономии значима с точки зрения социализации в двух аспектах. С одной стороны, ее наличие позволяет распознавать другие типы культурных порядков в сравнении с опытом, приобретаемым во взаимодействии с данным агентом. С другой стороны, у него складываются навыки перехода от одного типа культурного порядка к другому. Такая модель социализации подразумевает рациональные и дистантные отношения между агентом и субъектом социализации. Соответственно у субъекта формируются навыки прагматического отношения к социокультурному окружению. Вместе с тем он научается в ситуациях социального взаимодействия принимать во внимание интересы его участников, не считая себя обязанным разделять их чувства.

Таким образом, рационально-конструктивная модель социализации подготавливает людей к самостоятельному решению собственных жизненных проблем в трансформирующихся условиях. Однако складывающиеся благодаря ей привычки утилитарного подхода к жизненным ситуациям и инструментального отношения к другим порождают дефицит эмоционально окрашенных межличностных контактов. Соответственно жизнь таких людей полна напряжений, обусловленных неразвитостью навыков релаксации.

Модель несистематизированной («естественной») социализации. Для всех представленных выше моделей характерна системная, целенаправленная связь между агентами и субъектами социализации. Однако следует принимать во внимание, что социальный и культурный опыт может приобретаться людьми бессистемно, вне рамок социально организованных ситуаций. В этом случае субъект сам, методом проб и ошибок отбирает культурную информацию для освоения и использования. Под действие этой модели можно подвести следующие теоретические основания:

- потенциальные агенты социализации, т. е. институты и лица, которым по закону и обычаю положено помогать людям в освоении социально необходимых знаний и навыков, не имеют стратегических программ и предоставляют субъектов самим себе;
- в этом случае содержание и источники культурной информации специально не контролируются;
- социальные санкции, с которыми приходится сталкиваться субъектам, являются обычными, не специфическими для процессов направленной социализации.

При такой модели субъект приобретает ориентацию на «ролевое поведение». Он произвольно использует нерелексивное освоение и несистематизированные стереотипы поведения в ситуациях взаимодействия, воспринимаемых как непредсказуемые. Такое восприятие обусловлено неосвоенностью механизмов обобщения и регуляции социальных отношений, представляющихся субъекту не как определенные культурные порядки, но как случайные и необоснованные реакции окружения на действия, имеющие для него безусловный личностный смысл. В модернизирующемся обществе такое поведение делает людей полностью зависимыми от социокультурного окружения в том смысле, что неосвоенность навыков генерализации (обобщения) обуславливает партикуляристское отношение к реальности, т. е. видение каждой социокультурной ситуации в ее уникальности.

Таким образом, совершенно очевидно, что на индивидуальном уровне такая модель социализации привязывает к узкому кругу непосредственного окружения, а на социальном — способствует воспроизведению ситуации социокультурной неопределенности и напряженности.

Как уже подчеркивалось выше, рассмотренные модели социализации — это идеальнотипические конструкции, ни одна из которых не имеет абсолютных преимуществ или недостатков по отношению к другим. При изучении процессов освоения людьми социально значимых знаний и навыков можно обнаружить наличие всех их при любом состоянии общества. Однако каждому такому состоянию — кризисному, переходному, стабилизационному, устанавливающемуся — соответствует особое соотношение этих моделей.

Оценивая процессы социализации в ситуации социокультурного кризиса, в самом общем виде можно предположить такую динамику их соотношения. На начальном этапе кризиса доминирующей становится авторитарная модель, поскольку она связана с попытками привержен-

цев предыдущего режима удержать разрушающиеся социокультурные нормы за счет искусственного усиления их действия. Постоянная неэффективность использования этой модели выводит на лидирующую позицию модель несистематизированной социализации. На этапе углубления кризиса негативные социальные последствия конкуренции этих моделей порождают в обществе в качестве реакции некоторые конструктивные тенденции, связанные с поиском более адекватных способов социализации. Заметной, хотя расплывчатой, становится перmissive модель, способствующая установлению взаимоприемлемых отношений между агентами и субъектами социализации. На этапе активных поисков выхода из кризиса авторитарная модель утрачивает лидирующую позицию. Модель несистематизированной социализации оказывается наиболее распространенной. Но в ценностном отношении ее приоритет ослабевает за счет укрепления перmissive и появления рационально-конструктивной. Социальная эффективность дополнительности этих двух моделей обеспечивает социокультурное ядро, позволяющее придавать процессам социализации приемлемую и значимую для членов общества форму. На этапе выхода из кризиса в условиях модернизации доминирующей становится рационально-конструктивная модель, в рамки которой интегрируются жизнеспособные элементы других моделей, которые начинают использоваться здесь в инструментальных целях.

Выше в общем виде был намечен подход к изучению процессов социализации в модернизирующемся обществе. Однако этот подход предполагает дифференциацию не только моделей социализации, но и качественных характеристик и агентов и социокультурных сред, в которых такие процессы осуществляются. С точки зрения эффективного прогнозирования и регулирования хода и результатов взаимодействия агентов и субъектов социализации необходимыми и достаточными представляются основания дифференциации по следующим признакам:

- *регионам* (проведение различий между регионами с точки зрения готовности к модернизации позволяет оценить вероятность усиления тенденции движения от авторитарной к рационально-конструктивной модели социализации);
- *типам поселений* (внимание к различиям типов поселений позволяет дать количественную и качественную оценку социокультурного потенциала, который может быть использован в процессах социализации);
- *типам агентов социализации* (различия в наборах и влиятельности агентов социализации позволяет оценить институциональные и обыденные возможности использования наличного культурного потенциала для целей социализации);
- *стратификационным признакам* (внимание к различиям в принадлежности к определенным социальным слоям и группам позволяет определить традиционную готовность обеих сторон процесса социализации к использованию определенных моделей их организации).

Перечисленные измерения социокультурной дифференциации можно считать необходимыми, поскольку они соответствуют фундаментальным классам факторов, обуславливающих

характер социализации. Их можно рассматривать как достаточные, поскольку при их использовании охватываются самые значимые области социокультурного пространства, в рамках которых и для существования в которых реализуются процессы социализации.

Далее речь пойдет о процессах социализации, которые происходят за пределами институтов образования. И в первую очередь следует остановиться на изучении агентов социализации, соответствующих первичным социальным сетям, включая семью. Именно на этом уровне социально значимые знания и навыки передаются и осваиваются традиционным образом, т.е. через непосредственные межличностные контакты.

При изучении культуры объектами, воплощающими ее традиционные качества, принято считать нравы, обычаи, ритуалы, обряды, а также нормы, правила поведения. Обычно в теориях и истории культуры такие образования рассматриваются в макромасштабах, соответственно в процессах социализации им отводилась роль объектов трансляции, освоение и использование которых обеспечивает воспроизведение культурно установленных форм социальности (взаимопомощь, взаимопонимание, упорядоченность межличностных связей, ролей носителей и т. п.). В то же время механизмы порождения и изменения таких образований в процессах социализации оставались слабо изученными. Их действие можно понять, только если обратиться к рассмотрению непосредственных межличностных отношений, к изучению первичных групп и социальных сетей и таких соответствующих им агентов социализации, как семья, ее ближайшее окружение, группы сверстников и т. п. В этом случае можно понять, каким образом на этом уровне происходит кумуляция социокультурного опыта и обмен им; какие социализирующие функции выполняют первичные группы на различных стадиях жизненного цикла людей.

Первичные группы: структура, культурное содержание связей

Структура первичных групп определяется рядом специфических признаков:

- люди здесь объединены непосредственными межличностными отношениями, а не специализированными функциональными нормами, свойственными уровню социальных отношений;
- на этом уровне люди воспринимают друг друга как личностей, а не как носителей определенных социальных концепций и статусов. Соответственно личностная идентичность имеет более важное значение для самоопределения людей в первичных группах, чем институциональная роль;
- отношения между членами первичной группы существуют благодаря поведенческим стереотипам, обменам эмоциональными реакциями, эмпатии, прямой, непосредственной трансляции социокультурного опыта. Этим они отличаются от институциональных групп с их функционально-ролевыми предписаниями и межличностной дистантностью;
- критерии оценки людьми друг друга на этом уровне носят этический, а не инструментальный характер: оцениваются личностные качества индивида, а не его профессиональные до-

стижения; отношения оцениваются по степени их эмоциональности, а не социальной эффективности; группа в целом оценивается с точки зрения обеспечения личностной безопасности и комфорта, а не социального статуса.

- системы первичных связей обеспечивают людям возможность групповой культурной идентификации.

Из сказанного следует, что первичные группы и социальные сети выполняют в обществе и культуре важные социализирующие функции, связанные с личностным и групповым самоопределением. Во-первых, люди осваивают здесь групповые нормы, ценности, паттерны взаимодействия и коммуникации, которые составляют основу групповой и личностной идентичности. Таким образом они осваивают то социокультурное пространство, внутренние параметры которого задаются спецификой структуры и содержания групповых связей. Во-вторых, благодаря идентификации люди научатся проводить социально значимые различия между собой и представителями других групп.

Такого рода различия закрепляются в демонстративных признаках (манера вести себя, говорить, одеваться, особенности времяпровождения, использование определенных вещей как символов групповой принадлежности), которые в совокупности можно назвать стилем жизни. В соответствии с этим обобщенным показателем люди категоризируют и распределяют себя и других в социокультурном пространстве. Первичные группы представляют собой базовый социальный уровень, на котором формируются, транслируются и изменяются такие культурно-распознавательные признаки.

Структуры первичных групп различаются по степени упорядоченности. Наиболее четко организованной является семья. Семейные роли определяются социально-демографическими различиями, закрепленными в культурных формах. Роль главы семьи — будь то мужчина или женщина — определяется внесением и поддержанием тех нормативных начал, которые связывают семью с более широким социокультурным контекстом, обеспечивают постоянное соотношение происходящих в ее рамках процессов с критериями социального статуса, престижа, существующими в обществе. Роль, связанная с домашним хозяйством, предполагает организацию и поддержание межличностных отношений в семье, обеспечение стабильности их внутренней структуры; это медиатор между носителем социально-нормативного начала и детьми, членами своей семьи и родственниками. Роль ребенка в семье определяется тем, что, с одной стороны, родители несут ответственность за его подготовку к нормальной социокультурной жизни взрослого человека и потому по мере возможностей помогают ему в освоении социально значимого опыта через механизмы, свойственные первичной группе. С другой стороны, осваивая окружение, ребенок как человек с иными, чем у родителей, стартовыми условиями, вносит в него свои индивидуальные или характерные для поколения вариации. Тем самым он «испытывает»

вает на прочность» традиционные семейные стереотипы и ценности, а также демонстрирует родителям особенности поведения и представления своего поколения.

Объем функций семейных ролей варьируется в зависимости от социального положения семьи: он возрастает с движением вверх по статусной шкале. Семейные отношения по содержанию тем сложнее, чем выше культурный уровень ее членов. Однако базовые функции семейных ролей в качестве идеальных типов, осваиваемых в процессе социализации, можно рассматривать так, как они представлены выше.

В других типах первичных групп идеально-типические структурные характеристики обычно выражены не столь явно, как в семье. Так, в дружеских кружках, группах по интересам нередко отсутствует иерархическая структура. Здесь может не быть группового лидера, либо лидерство ситуативно переходит от одного участника к другому. Если речь идет о неформальных отношениях в формальной группе, то здесь нередко наблюдаются расхождения между концепциями человека в каждой из областей. Так, тот, кто занимает руководящий пост, может не пользоваться авторитетом у подчиненных, а у любимца группы может быть невысокая официальная позиция. В то же время бывают случаи, когда человек оказывается одновременно и формальным, и неформальным лидером. Соответственно различны и социализирующие функции таких лидеров.

Формы отношений осваивания в первичных группах зависят скорее от общекультурного фона, от предпочтений людей, нежели от совокупности групповых функций. Дружеские группы держатся как на авторитарных началах, так и на базе полного равноправия. В одних любительских объединениях доминирует нормативная система, близкая к профессиональной сфере; в других — атмосфера игры. В неформальных контактах между членами формальных групп могут либо сохраняться официальные отношения, либо преобладать непринужденность.

Все сказанное выше позволяет рассматривать первичные группы как те социокультурные среды, в которых люди осваивают навыки социокультурной идентификации, поддержания межличностных отношений, пользования знаками и символами групповой принадлежности. Освоение такого опыта осуществляется в непосредственных контактах, взаимодействиях, обменах культурной информацией между агентом и субъектом социализации при максимальном внимании к тому, что происходит. Все осваиваемые формы активности и ее результатов проходят через селективные механизмы соотнесения с групповыми нормами и ценностями. Таким образом они приобретают статус социально значимых и заслуживающих трансляции. Сложившиеся определенные конфигурации, соответствующие типичным групповым ситуациям, показательные характеристики группового стиля жизни осваиваются членами группы в процессе социализации.

Названные характеристики не привносятся в группу специально, не налагаются извне в обязательном порядке; но и не составляют принципов, на которых она строится изначально.

Характерные для нее социокультурные образцы «выстраиваются» самими участниками по ходу их совместной жизни. Части групп отбирают и фиксируют как достойные трансляции те ее элементы, которые сохраняют групповую целостность, но в то же время не мешают личностной самореализации. Такой отбор осуществляется как на рациональном, так и на познавательном уровнях. В первом случае соответствующие социокультурные образцы транслируются в виде вербальных формул и схем взаимодействия и коммуникации. Во втором — позитивное или негативное отношение к таким образцам передается экстралингвистическими средствами — жестами, мимикой, физической дистанцией и пр.

Первичные социокультурные сети и их социализирующие возможности

Все сказанное относится к первичной группе как аналитической, идеально-типической единице социальности, культурной специфичности. Теоретически это предполагает ее включенность в социокультурный контекст, образуемый другими единицами, относящимися к разным уровням социальной организации.

В качестве прототипа первичной группы можно рассматривать нуклеарную семью, состоящую из супругов и ребенка. Значимость семьи для поддержания социокультурной жизни заключается в том, что она является первоначальной единицей, по структуре и функциям необходимой для воспроизведения культурных форм социальности. Вступая в брак, люди объединяют ранее освоенные в своих семьях навыки и образцы семейной жизни и на их основе строят собственный дом. Благодаря этому некоторые традиционные характеристики культуры семейных отношений воспроизводятся, с одной стороны, и модифицируются за счет проявления индивидуальных особенностей каждого из супругов — с другой. Ребенок в семье впервые осваивает элементы культуры через отношения с родителями, приобретая здесь знания и навыки, связанные с базовыми началами социальности. Отношения взрослых и их ребенка как сильных и слабого формируют у него представление о социальной иерархии, о преимуществах и недостатках принадлежности к ее разным ступеням. Жизненный опыт взрослых, их неизмеримо больший объем знаний, навыков по сравнению с маленьким ребенком позволяет ему непосредственно наблюдать действие механизмов контроля над окружением. Система поощрений и наказаний, используемых родителями по отношению к ребенку, позволяет ему приобретать опыт отношений «власть — подчинение». Тесные эмоциональные связи в семье, непосредственность контактов — благоприятная среда для развития у ребенка эмпатических способностей, языка чувств.

В семье представлены фундаментальные социально-демографические различия: между мужчиной и женщиной, гендерными ролями; между поколениями и социокультурными позициями взрослых и детей. Семья выделяется как социокультурная единица через ее пространственные характеристики — принадлежащие ей территории, помещения, вещи — и функциональное воплощение — особенности образа жизни. Форма и структура образа жизни фиксирует

социальное время, значимое для членов семьи. Иными словами, в рамках семьи можно обнаружить набор предпосылок, необходимых для освоения и восприятия культурных проявлений социальности.

Родственные связи. Обычно семья не ограничивается нуклеарной формой. У супругов, как правило, сохраняются связи с их родителями, братьями, сестрами, другими родственниками. Такие связи образуют первый круг социокультурных связей, порождаемых тесными отношениями. В этих пределах осуществляется действие семейных традиций. Сосуществование и периодические контакты представителей трех, а то и четырех поколений, имеющих родственные узы и характеризующихся специфическими для них образцами социализации, позволяют последовательно трансформировать семейные нормы, ценности, стереотипы поведения, действий, а в определенных случаях общественное положение, престиж от поколения к поколению, от прямых ветвей к боковым.

Принадлежность разных членов семьи к целому ряду внесемейных первичных групп (профессиональных, дружеских, связанных организованной социальной и культурной активностью) следует рассматривать как существенный фактор внесения в семью информационного многообразия. В ходе взаимодействия и обмена информацией общего и профессионального, массово доступного и конфиденциального характера члены семьи проверяют «на прочность» разделяемые ими нормы, правила, стереотипы поведения и отношений. Те из них, что оказываются формообразующими принципами эффективных отношений с окружением, входят в состав семейных традиций. Те же, что обнаруживают адаптационную несостоятельность, подвергаются сомнению и образуют такие слабые места в структуре семейных нормативов, которые подвергаются деконструкции под напором внешних и внутренних воздействий и открывают каналы для проникновения новых культурных образцов.

Механизм сохранения и изменения традиционных семейных устоев различается по своей действенности. Часть таких характеристик держится на переживаемом жизненном опыте, общем для представителей всех поколений в семье. Это могут быть системообразующие компоненты общей социокультурной ситуации (стабильной или кризисной); состояние самой семьи (богатство или бедность, концентрация в одном месте жительства или рассеяние в географическом пространстве); повторяющиеся семейные ситуации (праздники, ритуалы, семейные конфликты и т. п.). Они чаще всего и сохраняются при трансляции от поколения к поколению, но есть устойчивые черты, которые используются как символ, демонстративные признаки принадлежности к семье или же удерживаются по привычке, утратив адаптивные свойства или связь с непосредственными переживаниями. Именно они становятся объектами изменения для младших поколений. Такие формы оказываются не созвучными их переживаниям, не имеют непосредственной значимости, личностного смысла, кажутся ненужными, лишними, устаревшими.

Соответственно молодые пытаются преодолеть подобного рода семейные стереотипы, установить более приемлемые для себя порядки в отношениях с другими членами семьи.

За счет включения членов семьи в иные группы принадлежности они приобретают два дополнительных круга межличностных связей — друзья и знакомые. Их выделение в пределах первичных социальных сетей имеет важный теоретический смысл с точки зрения процессов освоения окружения. Дружеские отношения обычно характеризуются большей степенью доверительности и эмоциональной насыщенности, чем просто знакомства. Среди друзей допускается высокая степень импровизационности, культурного экспериментирования, игры; тогда как контакты между знакомыми ближе к официально-ролевым: они более поверхностны и эмоционально нейтральны.

Дружеские связи. По отношению к процессам социализации дружеские связи выполняют важные функции. Во-первых, члены семьи проверяют в дружеских группах те роли в межличностных отношениях, которыми они связаны дома — лидера, опекаемого, пассивного исполнителя и т. п. Друзья либо позволяют индивиду сохранять приобретенные в семье стереотипы взаимодействия и коммуникации, либо побуждают его к изменениям. В первом случае сложившаяся личностная идентичность укрепляется; во втором — индивиду приходится либо осваивать новую идентичность, либо переходить в другую группу.

Кроме того, члены семьи привносят в нее культурную информацию из дружеских групп. Это могут быть новые навыки действий и поведения, иные оценочные критерии, дополнительные знания и т. п. Такие привнесения могут приниматься или отвергаться членами семьи, однако они оказывают определенное влияние на семейные отношения и образ жизни. В дружеских группах члены семьи могут компенсировать дефицит переживаний, впечатлений, информации, неизбежно существующий в ограниченном семейном кругу. Среди друзей обычно допускается больше культурного экспериментирования, переоценок общепринятых ценностей и т. п., чем в рамках семьи. Ведь семья строится как единица повседневной жизни, где текущие процессы по мере возможности подчиняются соображениям целесообразности и экономии усилий, т. е. максимально рутинизируются. В дружеских же группах при наличии разделяемых норм и ценностей, символических ритуальных элементов поведения поощряются вариации совместных форм активности, обмен новой информацией. Обсуждение индивидуальных переживаний и впечатлений, социально значимых событий и проблем.

В зависимости от характера семейных отношений дружеские связи членов семьи могут способствовать либо поддержанию, либо разрушению их структуры. Чем ближе ценностные ориентации членов таких групп и членов семьи, тем в большей степени они укрепляются. Чем значительнее расхождения в ценностях между семьей и дружескими группами и чем большую компенсационную роль последние выполняют для индивида, тем вероятнее возникновение конфликтной ситуации в семье.

Важно и то, что группы друзей становятся источниками социальной защиты, поддержки для семьи, когда в ней возникают серьезные проблемные ситуации. В подобных случаях друзья помогают советами, реальными действиями, деньгами; они обращаются за помощью к своим знакомым, даже не имеющим прямых контактов с семьей, находящейся в затруднительном положении.

Таким образом, семейные и дружеские отношения образуют наиболее прочную и плотную сеть первичных социокультурных связей. Здесь постоянно осуществляются использование, проверка на пригодность, изменение, отвержение, отбор социальных и культурных форм, составляющих повседневную жизнь людей. В этих рамках воспроизводятся, укрепляются, контролируются социокультурные пространства, которые объединившиеся люди считают своими. Они являются средой для утверждения признаков и символов групповой идентичности.

Особый интерес с точки зрения социализации представляют случаи, когда семейные и дружеские группы состоят из представителей сходных или близких профессиональных культур элитарного уровня (высококомпетентные представители политики, науки, права, религии, искусства). В этом случае граница между обыденным и профессиональным уровнями повседневной жизни таких людей становится весьма условной, поскольку профессиональные дела становятся предметом постоянного обсуждения. Специфика первичных отношений позволяет людям из этих кругов в свободное время относиться к объектам профессиональной деятельности как к элементам своеобразных интеллектуальных игр, помещать их в нестандартные контексты, смещать их ценностные приоритеты, словом, обращаться с ними так, как не позволяют официальные нормы рабочих ситуаций. Соответственно первичные сети приобретают свойства механизмов резонанса и катализа индивидуальных побуждений к изменениям, экспериментированию в специализированных областях культуры. Доброжелательный интерес ближайшего окружения к индивидуальным поискам и их результатам, компетентная оценка побуждают людей вносить изменения в свою профессиональную деятельность.

Образуется совершенно особая социокультурная среда, где элементы сложной специализированной деятельности порождаются и функционируют в системе совершенно неформальных, близких, эмоционально окрашенных отношений между людьми, объединенными не только взаимной симпатией, но и общими профессиональными интересами. Такого рода первичные сети выполняют в культуре весьма важные функции. Прежде всего, они образуют те социокультурные пространства, где артефакты специализированного плана — научные, философские идеи, художественные образы, политические и религиозные модели — существуют не в отдельной форме, но составляют «естественный» язык тех, кто их порождает, привычно используемый в повседневной коммуникации. Иными словами, здесь профессиональная деятельность является основным содержанием повседневной жизни людей. Они образуют среды для порождения и оформления культурных инноваций. Чувство безопасности, обеспечиваемое первичными груп-

пами, побуждают людей, привыкших решать сложные проблемы, к более смелым культурным экспериментам, чем это допускается на их рабочем месте. Кроме того, большая открытость отношений в первичных группах, состоящих из профессионалов высокого уровня, позволяет тому, кто сделал или нашел что-то необычное, без опасения представить это родным и друзьям, обсудить возможную судьбу изобретения или открытия. Наконец, благодаря накоплению сложного профессионального опыта, переживаемого как основное содержание индивидуальной и групповой жизни, такие области становятся местом высокой концентрации культурного потенциала. Чтобы стать членом такой группы, человеку приходится осваивать весьма сложные знания и навыки, доказывать свою подготовленность к равноправному участию в группе. Иными словами, подобные среды можно рассматривать как области формирования и социализации культурных элит.

Связи по интересам. Следующий уровень социальных сетей составляют свободные ассоциации людей, объединяющихся в соответствии с общими культурными интересами. В данном случае речь не идет об экономических и политических интересах: это предмет особого рассмотрения. Имеется в виду совместная досуговая активность — любительские занятия искусством, техническими изобретениями, коллекционирование, путешествия, а также общественно полезная непрофессиональная деятельность — благотворительность, социальные явления, различные формы социального участия. Между членами таких групп складываются довольно близкие, доверительные отношения, которые в дальнейшем могут сочетаться с дружескими и семейными, хотя и не обязательно. В этом случае, безусловно, можно говорить о первичных группах. Однако по характеру норм и ценностей они существенно отличаются от ранее представленных типов. По сравнению с ними группы по интересам значительно менее полифункциональны, а их микрокультура как агентов социализации намного проще. Поскольку они специально ориентированы на реализацию совершенно конкретных целей. Их неформальный характер обуславливает то, что установление межличностных отношений является здесь дополнительной самоцелью. Они выстраиваются прежде всего вокруг предмета общего интереса, поэтому нормы и правила взаимодействия здесь не особенно сложны. Социализационное влияние таких групп заметно, несмотря на их компенсационные функции: люди реализуют здесь свои четко направленные интересы, восполняют дефицит межличностных связей и способов приложения активности, заполняют свободное время. Иногда такого рода группы точечно соприкасаются с профессиональными субкультурами: встречи с представителями культурных элит у любителей искусства; контакты с искусствоведами, историками у коллекционеров; консультации со специалистами у представителей социальных движений и т. п. И все же в большинстве случаев члены таких ассоциаций имеют дело с культурными образцами, созданными профессионалами, и практически ничего оригинального в культуру не привносят. Следует еще раз под-

черкнуть, что, несмотря на это, такие объединения являются значительными агентами социализации как носители культурных традиций.

Круг знакомых. Еще более далеким от ядра непосредственной повседневной социализации является круг знакомых. Отношения такого рода могут поддерживаться длительное время, но в форме спорадических или ритуальных (например, праздничные поздравления) контактов. Благодаря им происходит обмен общей или специальной информацией либо обязательной, либо безразличной, либо по особому случаю, когда к знакомому обращаются, чтобы получить от него сведения, которыми не располагает более близкое окружение. По-видимому, можно рассматривать отношения такого рода не только как механизм трансляции культурной информации, включающейся по мере необходимости. Они обуславливают также воспроизведение ролевых отношений в повседневной жизни. Ведь обычно знакомые поддерживают связи как представители определенных социальных позиций, а не как индивидуальные личности. Соответственно на этом уровне не принято обсуждать сугубо личные, семейные проблемы, но разговоры строятся вокруг личностно нейтральных тем: искусство, политика, общие вопросы быденной жизни и т. п. Отношения между знакомыми не являются официальными, но их нельзя назвать близкими. Обычно в культуре существуют определенные стандартные формы контактов такого рода, например, стандарты обращения, обмена репликами при встрече, поддержание связей во времени.

По отношению к первичным группам с тесными межличностными связями среда знакомых выполняет важные функции. Именно в ее рамках сказывается и меняется общественное мнение о том, насколько обсуждаемые здесь первичные группы соответствуют нормам, насколько они социально полезны или интересны. Таким образом, в более широком социокультурном контексте такие группы идентифицируются, классифицируются, оцениваются и вследствие этого принимаются в качестве социально значимых культурных единиц. В подобной среде также оформляется статус и престиж выделенных и оцененных совокупностей первичных групп, т. е. складываются общие представления об имеющемся в обществе социокультурном расслоении. Наконец, эта среда является своеобразным медиатором между первичными группами с тесными межличностными отношениями. Представители групп, не связанных между собой, всегда при надобности могут найти возможность установить отношения через общих знакомых, которые, как правило, обнаруживаются внутри социального слоя.

Таким образом, при изучении процессов социализации важно принимать во внимание, в каких социальных сетях и группах осуществляются непосредственные взаимодействия и коммуникации, связанные с трансляцией и освоением социокультурного опыта. Ведь именно в этой среде действует механизм традиции, т. е. передача такого опыта, что называется «из рук в руки, из уст в уста», и, следовательно, здесь осваиваются и воспроизводятся нравы, обычаи и иные культурные стереотипы. В этой же среде осуществляются вариации культурных черт, а в неко-

торых ее точках зарождаются культурные инновации. Действие представленных механизмов освоения и трансляции социокультурного опыта обуславливает либо позитивное санкционирование, либо отвержение культурных изменений.

Все сказанное свидетельствует о том, что процессы социализации на уровне социальных сетей неоднородны и имеют различную форму в зависимости от тесноты межличностных контактов в первичных группах — агентах социализации. Ядро таких сетей составляет семья; ее ближайшее кольцо окружения образуется дружескими связями; другое — свободными ассоциациями по интересам; самое дальнее — знакомыми. Эта форма определяется теснотой, частотой, интенсивностью связей между людьми: по мере движения от центра к периферии величина всех названных переменных убывает и, следовательно, снижается степень социализующего воздействия соответствующих групп.